ЛОМАКИНА
Наталья
Валентиновна

Доктор экономических наук,
главный научный сотрудник
Института экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

LOMAKINA
Natalia
Valentinovna

Doctor of economics, chief
researcher

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

lomakina@ecrn.ru

УДК 332.142.4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В МИНЕРАЛЬНО- СЫРЬЕВЫЕ ПРОЕКТЫ: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ВАРИАНТ

Исследована инвестиционная активность в минеральном секторе Дальнего Востока и его вклад в динамику инвестиционных процессов в макрорегионе. Показаны вклад отдельных проектов в экономику дальневосточных субъектов РФ при стандартном и преференциальном режимах их реализации. Представлена оценка эффективности имплантации мер государственного стимулирования инвестиций в минерально-сырьевые проекты. Выявленные противоречия подтвердили актуальность исследований в этой области на теоретическом и прикладном уровнях.

Минеральный сектор, инвестиционная активность, преференциальный режим, оценка эффективности, управленческие экстерналии

GOVERNMENT PROMOTION OF INVESTMENT IN MINERAL AND RAW MATERIALS PROJECTS: FAR EASTERN CASE

The investment activity in the mineral sector of the Far East and its contribution to the dynamics of investment processes in the macroregion are investigated. Examples of the contribution of particular projects to the economy of the Far Eastern regions of the Russian Federation under standard and preferential regimes for their implementation are shown. The implantation efficiency of measures of state investment promotion in mineral and raw materials projects is estimated. The revealed contradictions confirmed the actuality of research in this area at the theoretical and methodological and practical levels.

Mineral sector, investment activity, preferential regime, efficiency estimation, management externalities

© Ломакина Н.В., 2018

Введение

Реализуемая в течение последних пяти лет «новая модель» развития Дальнего Востока демонстрирует активную направленность многих её преференциальных мер на поддержку проектов в минерально-сырьевом секторе макрорегиона. Можно предположить, что стимулами поддержки инвестиционной активности в определённой сфере (отрасли) могут быть либо необходимость роста её доли в структуре экономики (для обеспечения «прогрессивности» последней), либо чрезвычайно низкий имеющийся уровень такой активности, либо ожидаемая высокая отдача таких преференций в региональном развитии.

Что касается минерального сектора Дальнего Востока, то он прочно занимает позиции отрасли национальной специализации макрорегиона. Более того, при всех трансформациях реформенного периода роль минерально-сырьевого комплекса (МСК) Дальнего Востока в региональной и национальной экономиках только возросла [5]. При этом следует заметить, что в рамках «новой модели» развития макрорегиона было заявлено желание ухода от «сырьевой экономики» в качестве одной из целевых перспективных задач. Поэтому вряд ли этот аспект является определяющим для государственного стимулирования инвестиционной активности в минеральном секторе Дальнего Востока.

Остаётся предположить, что: 1) для МСК Дальнего Востока характерен чрезвычайно низкий, «затухающий» уровень инвестиционной активности, что не позволит оставаться ему в перспективе конкурентоспособным сектором национальной специализации макрорегиона, либо 2) ожидаемая отдача преференциальных мер для регионального развития является наиболее высокой при реализации их в минеральном секторе. Поиск ответов на эти вопросы стал задачей настоящей статьи.

Инвестиционная активность в минеральном секторе Дальнего Востока

Проблемы исследования факторов устойчивого, сбалансированного развития экономических систем разного уровня, соотношения между сырьевыми (добывающими) и обрабатывающими отраслями экономики, взаимозависимости обеспеченности природными (а в особенности минеральными) ресурсами и темпов экономического роста не перестают быть актуальными [1; 7; 8; 10; 12]. Особое значение имеет такая проблематика для регионов, богатых минеральными ресурсами, использование которых формирует отрасли экономической специализации этих территорий. К таким ресурсным регионам относится большинство дальневосточных субъектов РФ.

В качестве индикаторов устойчивости регионального развития достаточно часто используются показатели динамики абсолютных объёмов инвестиций в основной капитал (как отражение инвестиционной активности), а для оценки качества экономического роста – определённые структурные характеристики этих инвестиций. Так, например, для иллюстрации «качества инвестиций», отражающих процессы реструктуризации экономики, предлагается к использованию такой показатель, как «удельный вес инвестиций в отрасли с высокой добавленной стоимостью» [6, с. 47].

Если говорить о таком виде экономической деятельности, как «добыча полезных ископаемых», то традиционно сложилось представление о нём как о секторе с низкой добавленной стоимостью, развитие которого никак не связано с формированием высокотехнологичных отраслей. Однако что касается «высокотехнологичности» минерального сектора, то сегодня он зачастую оказывается гораздо более технологичным, чем многие перерабатывающие отрасли традиционного «экономического ландшафта» [4].

Вопросы применения новых методов для оценки взаимосвязей «ресурсный сектор – ресурсный регион», изменения канонической схемы освоения ресурсов территории – уход от заходящей стадии к непрерывному освоению за счёт инноваций [4; 9], актуальны и для сырьевых территорий Дальнего Востока России. Для них также на современном этапе характерны рост технологической доступности минеральных ресурсов, освоение «старых» месторождений в новых технологических параметрах [5; 11].

Для характеристики «качества инвестиций» в ресурсном регионе (большинство дальневосточных субъектов РФ таковыми и являются) вполне приемлемо, на наш взгляд, рассмотреть динамику структурного соотношения инвестиций в сырьевые и несырьевые отрасли в их общем объёме как характеристику траектории ухода от «сырьевой» экономики (либо наоборот). Расчёт таких показателей для минерального сектора Дальнего Востока вполне статистически доступен. Рассмотрим динамику этого показателя, в определённой степени характеризующего инвестиционную активность в минеральном секторе и его «вклад» в инвестиционные процессы в дальневосточных субъектах РФ (*табл. 1*).

Таблица 1

Инвестиционная активность МСК ДФО

Группы регионов		Доля инвестиций в ДПИ в общей структуре инвестиций в основной капитал, %							
		2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
«Диверсифицированная экономика»	Приморский край	3,1	0,7	0,6	1,04	1,6	4,6	3,2	1,8
	Хабаровский край	3,1	4,2	4,7	6,7	10,8	8,7	8,0	8,8
	Амурская область	6,4	11,6	16,2	16,4	10,1	8,1	4,6	5,5
«Минерально-сырьевая специализация»	Республика Саха (Якутия)	45,5	28,2	22,5	32,5	39,8	38,7	42,8	51,2
	Магаданская область	14,1	24,0	30,9	42,4	51,0	61,3	75,8	69,5
	Сахалинская область	30,1	67,4	69,6	57,6	67,3	71,9	75,1	71,4
	Чукотский автономный округ	0,3	39,1	36,3	61,1	56,8	45,9	43,5	36,4
«Формирующаяся минерально-сырьевая специализация»	Камчатский край	4,4	3,3	4,7	13,8	7,7	9,7	9,9	21,9
	Еврейская автономная область	0,2	9,1	10,9	7,5	17,5	29,6	15,5	39,4
Средние показатели	РФ	13,4	15,1	14,6	14,3	15,1	16,0	18,5	19,3
	ДФО	21,0	19,6	20,5	23,6	31,9	35,2	39,4	39,3

Источник: рассчитано на основании данных Росстата.

Прежде всего следует отметить, что если на уровне РФ в рассматриваемый период (2005–2016 гг.) доля инвестиций в добычу полезных ископаемых (ДПИ) в общей структуре инвестиций в основной капитал возросла в 1,44 раза (достигнув почти 20% всех инвестиций),

то для ДФО в целом этот рост составил 1,87 раза (обеспечив достижение почти 40% доли ДПИ в общем объёме инвестиций в основной капитал).

Безусловно, эти оценки существенно разнятся по отдельным дальневосточным субъектам РФ. Поэтому мы выделили три группы регионов относительно их сырьевой специализации. В первую группу с условным названием «диверсифицированная экономика» вошли три дальневосточных региона, в которых роль минерального сектора достаточно высока (в том числе и для национальной экономики), но не являлась определяющей в региональной экономике. В эту группу включены Приморский и Хабаровский края и Амурская область. В рассматриваемом периоде доля инвестиций в минеральный сектор в их общем объёме существенно снизилась только в Приморском крае, в Амурской области и в Хабаровском крае она преимущественно демонстрировала активный рост. Отражением такой структурной направленности инвестиционной активности в этих регионах может быть изменение концентрации добывающего сектора в промышленности этих территорий в 2005–2016 гг. – существенное снижение в Приморском крае (с 9,4% до 6,4%), её рост в Хабаровском крае (с 17,4 до 21,5%) и существенный рост в Амурской области (с 24,9 до 51,1%).

В группе дальневосточных регионов с традиционной минерально-сырьевой специализацией (Якутия, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ) доля инвестиций в сырьевой сектор в рассматриваемый период росла, что обеспечило и соответствующий рост концентрации этого вида деятельности в общей структуре промышленности. Так, например, в Республике Саха (Якутия) доля добычи полезных ископаемых в общей структуре промышленности в 2005–2016 гг. возросла с 77,6 до 85,4%, в Магаданской области – с 69 до 85,2%, в Чукотском автономном округе – с 41,2 до 88,7%, в Сахалинской области – с 65,8 до 90,5% соответственно.

Существенный рост доли инвестиций в минерально-сырьевой комплекс в общей структуре инвестиций в основной капитал в 2005–2016 гг. отмечен также в Камчатском крае и Еврейской автономной области, что выводит и эти субъекты РФ в регионы с минерально-сырьевой специализацией.

Приведённая динамика позволяет, на наш взгляд, сделать следующие выводы:

1) и для ДФО в целом, и для большинства дальневосточных субъектов РФ инвестиции в добычу полезных ископаемых составляют, по сути, основу инвестиционной активности в регионе;

2) такая структура инвестиций не только закрепляет сырьевую специализацию отдельных дальневосточных регионов, но и «работает» на формирование будущего «сырьевого» образа экономики.

В этих условиях вполне закономерным становится вопрос о том, насколько необходимым является государственное стимулирование инвестиций в минерально-сырьевые проекты на Дальнем Востоке? Следом идут вопросы: Насколько эффективны преференциальные меры государственного стимулирования инвестиций в минерально-сырьевые проекты? Насколько они работают на региональное развитие? Какова их направленность и отдача?

Государственное стимулирование инвестиций и отдача минеральных проектов для экономики региона

Как показали наши предшествующие исследования [2; 5], в рамках реализации «новой модели» развития Дальнего Востока государственная поддержка в различных формах (вплоть до прямой бюджетной поддержки) преимущественно концентрируется именно в минерально-

сырьевых отраслях и проектах. Так, в частности, только через инструмент прямой бюджетной поддержки инвестиционных проектов, имеющих определяющее значение для будущего развития Дальнего Востока, более 90% бюджетных средств предполагается выделить на поддержку минерально-сырьевых проектов.

Не менее востребованными в минеральном секторе Дальнего Востока оказались и такие инструменты, как формирование территорий с особым экономическим режимом (ТОР и СПВ¹) и реализация налоговых преференций вне таких специальных территорий (в частности, через такой инструмент, как «региональные инвестиционные проекты» или РИП²) (табл. 2).

Таблица 2

Инвестиционные проекты в минерально-сырьевом комплексе Дальнего Востока, использующие льготные (преференциальные) налоговые режимы

Субъекты РФ	Количество минерально-сырьевых проектов (в разрезе особых режимов)				Итого по субъектам РФ
	ОЭЗ	ТОР	СПВ	РИП	
Республика Саха (Якутия)		4		7	11
Камчатский край				3	3
Приморский край		1	14	-	15
Хабаровский край		4		2	6
Амурская область		1		-	1
Магаданская область	21			-	21
Сахалинская область				2	2
Еврейская автономная область		1		2	3
Чукотский автономный округ		8		1	9
Итого по ДФО	21	19	14	17	71

Примечание: ОЭЗ – особая экономическая зона; ТОР – территория опережающего социально-экономического развития; СПВ – Свободный порт Владивосток; РИП – региональный инвестиционный проект.

Источники: <http://erdc.ru/upload/reestr-tor.pdf>; <http://erdc.ru/upload/reestr-spv.pdf>; <https://www.eastrussia.ru/material/lgotnaya-konkurentsia/>; <http://minvr.ru:443/press-center/news/17266/>

Представленная в таблице информация, конечно, не является абсолютной, но всё же даёт представление об «откликах» минерального сектора Дальнего Востока на предложенные государством преференциальные меры. К настоящему времени более семи десятков минеральных проектов различного уровня и масштаба претендуют на государственную поддержку через различные преференциальные режимы. Востребованы практически все направления господдержки во всех дальневосточных субъектах РФ. Естественно, что наиболее востребованы льготы в

¹ Федеральные законы № 473-ФЗ от 29 декабря 2014 г. «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» и № 212-ФЗ от 13 июля 2015 г. «О свободном порте Владивосток».

² Федеральный закон № 267-ФЗ от 30 сентября 2013 г. «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части стимулирования реализации региональных инвестиционных проектов на территориях Дальневосточного федерального округа и отдельных субъектов Российской Федерации».

основных сырьевых районах (Якутия, Колыма, Чукотка), где минерально-сырьевой комплекс формирует существенную часть региональных бюджетов соответствующих субъектов РФ.

Оценки активности инвесторов в минеральном секторе в «подключении» к государственным преференциям через такие механизмы, как ТОР и СПВ, были представлены нами ранее [2]. Эти процессы, похоже, ещё не исчерпали своего потенциала. Так, буквально в последние дни на сайте Минвостокразвития появилась информация о заключении соглашений АО «Корпорация развития Дальнего Востока» с новыми инвесторами с регистрацией их в ТОР и СПВ, в том числе и в области добычи полезных ископаемых¹. Прежде всего, это два проекта в оловодобыче (ТОР «Комсомольск»), реализация которых позволит «покрывать внутреннюю потребность в оловянном концентрате, что решит вопрос импортозамещения»². Кроме того, поддержано ООО «Горнодобывающая компания новый Сунбэй», которое планирует запустить золотодобывающее предприятие в Лазовском районе Приморского края (резидент СПВ). Соглашение действует до 2085 г., среди учредителей и собственников компании (с уставным капиталом в 10 тыс. рублей) два гражданина КНР³. Компания владеет лицензией на разработку месторождений Кривореченского золотороссыпного узла, балансовые запасы (C1+C2) лицензионного участка составляют 260 кг, прогнозные ресурсы (по категориям P1+P2) оцениваются в 104 кг золота⁴. При таких характеристиках этого проекта не очень понятно, какую стратегическую задачу, направленную на развитие Дальнего Востока, он решает и чей малый бизнес поддерживается.

Ещё одним механизмом предоставления преференций, закреплённом на федеральном уровне, стал институт региональных инвестиционных проектов (РИП). Этот механизм предполагает формирование особого перечня РИП в дальневосточном субъекте РФ для тех инвесторов и проектов, которые предусмотрены к реализации вне рамок других особых преференциальных режимов – ТОР, СПВ и т.п. Для инструмента РИП был предусмотрен как набор определённых, достаточно строгих ограничений для попадания в такой перечень, так и набор достаточно существенных налоговых и административных послаблений. Среди них были и существенные льготы по налогу на добычу полезных ископаемых (НДПИ), что косвенным образом демонстрирует некую «особую» заботу и о минерально-сырьевых проектах.

Реализация механизма РИП прошла уже определённые стадии своего развития. Результатом первого этапа (2014–2016 гг.) стала регистрация в качестве РИП порядка пятнадцати минерально-сырьевых проектов в нескольких дальневосточных субъектах РФ⁵. Воздействие этого стимулирующего механизма на первом этапе введения налоговых льгот оказалось весьма ограниченным. На наш взгляд, не только трудности «оформления» в реестр РИП стали тому причиной. В условиях того, что практически вся эффективная минерально-сырьевая база в макрорегионе распределена между недропользователями, в основном между крупными компаниями, шансы появления новых игроков и возможность их регистрации как особой категории налогоплательщиков весьма невелики. По сути, регистрироваться в реестре РИП в качестве новых участников оказалось некому. При этом «инвестиционным сообществом» в минерально-сырьевой сфере стали активно подниматься вопросы об уточнении критериев соответствия новой категории налогоплательщиков и о включении в эту категорию «инвесторов, которые приступили к реализации своих проектов в период, непосредственно предшествующий вступлению Закона в силу (1 января 2014 года)» [3].

¹ <http://minvr.ru:443/press-center/news/17266/>

² Там же.

³ <http://www.interfax-russia.ru/FarEast/news.asp?id=951955>

⁴ http://nedradv.ru/news/company/?id_obj=e86e721749372c622459a3db75f19e08

⁵ <https://www.eastrussia.ru/material/lgotnaya-konkurentsia/>

В 2016 г. были внесены изменения в процедуру формирования РИП, и результат превзошёл всякие ожидания. Теперь уже любой инвестор, реализующий свой проект в ДФО (вне ТОР и СВП) с объёмом инвестиций более 50 млн рублей за 3 года, может получать преференции, в том числе и льготу по НДС. При этом учитываются инвестиции, совершённые с 1 января 2013 г. Вводится заявительный принцип получения налоговых льгот¹. При таких количественных критериях вхождения в РИП практически любой минерально-сырьевой проект становится им автоматически.

Заявлено, что «...вводится принципиально новая модель: инвестор получает льготу в заявительном порядке, после достижения определённого уровня инвестиций в проект, льгота возникает по факту инвестиций в уведомительном порядке. Таким образом, закон способен реально увеличить число участников региональных инвестиционных проектов»². По сути, «увеличение числа участников» становится критерием эффективности преференциального режима. Но стимулы расширенного воспроизводства минерально-сырьевой базы (МСБ) и развития регионов, на наш взгляд, только снижаются.

Сформированная на федеральном уровне «новая модель» развития Дальнего Востока и принятые в соответствии с этим институциональные решения создали ситуацию обязательности действий на региональном уровне управления. Созданные институты и механизмы «запущены», и в экономических системах территорий начинают формироваться реальные результаты решений, принятых на федеральном уровне. При этом ожидания «завтрашнего счастья» и сегодняшние потери бюджетов регионов с минерально-сырьевой специализацией уже входят в конфликт.

Как эта ситуация выглядит на конкретных примерах и конкретных цифрах? В *таблице 3* приведены характеристики реальных проектов по добыче золота, включённых в перечень РИП.

Таблица 3

Характеристика отдельных показателей проектов по добыче золота, включённых в перечень РИП

Показатели и характеристики	Проект 1		Проект 2	
	Обычный режим	РИП	Обычный режим	РИП
Капитальные затраты, млн рублей	2 900		2 800	
Срок освоения месторождения, лет	7–8		12	
Налоговые платежи всего, млн рублей, в том числе:	4 750	1 350	10 040	3 300
– федеральный бюджет	1 057	260	3 159	955
– региональный бюджет	3 693	1 090	6 881	2 345
из них: – налог на прибыль	1 814	195	4 356	1 021
– НДС	1 247	355	2 004	833
Чистая прибыль компании	8 630	11 830	25 200	31 800

Источник: расчёт оценочных показателей основан на нормативах налоговых преференций, законодательно утверждённых на федеральном уровне.

¹ https://minvr.ru/press-center/news/2133/?sphrase_id=223038

² https://www.newsru.ru/far_east/2016/05/24/147716/

Как видно, через 7–12 лет месторождения будут исчерпаны, никакого «капитального» развития территория, естественно, не получит, кроме экологических издержек. Более того, даже минимальный вклад в текущее развитие регионов (где будет изъята часть невозпроизводимого природного ресурса) через налоговые платежи в их бюджеты будет существенно сокращён. При включении проектов 1 и 2 в перечень РИП их налоговые платежи за весь период освоения месторождений снижаются в 3–3,5 раза. При этом если условные среднегодовые потери федерального бюджета по этим проектам находятся на уровне 115–185 млн рублей, то условные ежегодные потери регионального бюджета по каждому из проектов могут составить 370–380 млн рублей. По сути, только эти два рассмотренных в качестве примера проекта снижают налоговые доходы регионального бюджета на 750–800 млн рублей в год, что достаточно чувствительно в масштабах бюджетов большинства дальневосточных субъектов РФ.

Вряд ли такую ситуацию можно считать желательной для регионального развития, но она, по крайней мере, понятна и контролируется региональными органами государственного управления. Гораздо более «катастрофичной» становится ситуация после введения с 2017 г. описанного выше заявительного принципа формирования региональных инвестиционных проектов. Заявительный характер льгот (и возможность их применения в течение 10 лет) не позволяет при планировании бюджета определить объём выпадающих доходов и ставит под угрозу исполнение региональных бюджетов. Особенно жёстко это сказывается для тех территорий, где добыча полезных ископаемых – их специализация. Так, например, по оценке экспертов, в случае обращения в налоговый орган всех налогоплательщиков, занимающихся добычей рудного золота на Чукотке, ежегодные выпадающие доходы регионального бюджета только по этому виду преференций могут составить около 70% всего НДПИ.

Ситуация с такой «заботой» о развитии регионов привела к тому, что сегодня дальневосточные субъекты РФ ищут возможности внесения допустимых изменений в некоторые преференциальные режимы на законодательном уровне¹.

Заключение

Возвращаясь к поставленным в начале статьи вопросам о необходимости, целесообразности и отдаче особых мер государственного стимулирования инвестиционной активности, реализуемых через поддержку минерально-сырьевых проектов на Дальнем Востоке, следует прежде всего отметить неоднозначность ответов, выявляющихся в результате исследования ситуации.

Как уже указывалось, весьма востребованным оказался инструмент прямой бюджетной поддержки инвестиционных проектов, имеющих определяющее значение для будущего развития Дальнего Востока. Практические результаты применения этого инструмента в 2016–2017 гг. показали, что более 90% бюджетных средств было выделено на поддержку минерально-сырьевых проектов. На наш взгляд, противоречивая ситуация прямой бюджетной поддержки минерально-сырьевых проектов при объявленной цели ухода от сырьевой экономики явилась результатом применения выбранных управленческой элитой критериев и индикаторов оценки. Ориентация на неизмеряемый критерий «соответствие целям стратегических документов» и

¹ И эта ситуация характерна не только для регионов Дальнего Востока. Так, 28 июля 2018 г. «Совет Федерации одобрил Федеральный закон «О признании утратившим силу абзаца пятого подпункта 1 пункта 1 статьи 258 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» об исключении Республики Хакасия из состава субъектов РФ, на территории которых при реализации регионального инвестиционного проекта не требуется включения организации в реестр участников РИП. Документ внесён Верховным Советом Республики Хакасия» (<http://council.gov.ru/events/news/94746/>).

выбор вполне количественно измеримого показателя «отношение объема частных инвестиций к объему бюджетных средств» в случае с минеральными проектами оказались очень удобны для демонстрации «сильной» динамики ожидаемого (обещаемого) регионального развития.

Не менее впечатляющим также может стать показатель «рост числа участников региональных инвестиционных проектов» при либерализации требований к этому преференциальному режиму с 1 января 2017 г. Однако, как было показано, в случае с минеральными проектами такая либерализация несёт угрозу прямых и неконтролируемых потерь для региональных бюджетов.

Выявленные противоречия определяют необходимость исследований в этой области и на теоретическом, и на прикладном уровнях. Актуальной становится задача «уловить» и измерить все эффекты (положительные и отрицательные) от реализации федеральных институциональных решений и инструментов «новой модели» развития Дальнего Востока для экономики конкретных регионов. При этом основная научная проблема находится на стыке нескольких исследовательских направлений, в частности, оценки: эффективности государственной политики; роли природных ресурсов в экономическом развитии; системных эффектов ресурсных проектов и их локализации на региональном уровне; «институциональных экстерналий» и их интернализации для различных уровней государственного управления.

Литература

1. Анашкин О.С., Крюков В.А. Об эффективности использования минерально-сырьевого потенциала для решения задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2015. № 1. С. 24–33.
2. Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Природно-ресурсные отрасли Дальнего Востока: новые факторы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3
3. Влияние прямых иностранных инвестиций на социально-экономическое развитие Дальнего Востока. М.: ЦЭФИР, 2013. 110 с.
4. Крюков В.А., Агеева С.Д., Токарев А.Н. Управление инновационными процессами в недропользовании // Экономика и управление. 2018. № 3. С. 4–16.
5. Ломакина Н.В. Реформенные трансформации и их результаты в минеральном секторе Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 59–82. DOI: 10.14530/se.2018.1.059-082
6. Мекуш Г.Е. Эколого-экономическая оценка устойчивости регионального развития (на примере Кемеровской области). Автореферат дис. ... доктора экономических наук. М., 2007. 57 с.
7. Минерально-сырьевой сектор Азиатской России: как обеспечить социально-экономическую отдачу / под ред. В.В. Кулешова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. 352 с.
8. Михеева Н.Н. Оценка ресурсного сектора дальневосточной экономики на основе таблиц «затраты – выпуск» // Пространственная экономика. 2006. № 1. С. 72–86.
9. Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. В.В. Кулешова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.
10. Рюмина Е.В., Аникина А.М. Анализ влияния фактора природных ресурсов на уровень экономического развития регионов России // Проблемы прогнозирования. 2007. № 5. С. 106–125.
11. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
12. Узяков М.Н. Эффективность использования первичных ресурсов как индикатор технологического развития: ретроспективный анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. 2011. № 2. С. 3–18.

References

1. Anashkin O.S., Kryukov V.A. On the Efficiency of the Use of Mineral Resource Potential to Solve the Problems of Social and Economic Development of a Constituent Entity of the Russian Federation. *Mineral'nye resursy Rossii. Ekonomika i upravlenie* [Mineral Resources of Russia. Economics and Management]. 2015. No. 1. Pp. 24–33. (In Russian)
2. Antonova N.E., Lomakina N.V. Natural Resource-Based Industries of the Far East: New Drivers of Development. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2018 Vol. 11. No. 1. Pp. 43–56. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.3 (In Russian)
3. *The Impact of Foreign Direct Investment on the Socio-Economic Development on the Far East of Russia*. Moscow, 2013. 110 p. (In Russian)
4. Kryukov V.A., Ageeva S.D., Tokarev A.N. Management of Innovation Processes for Subsoil Use. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management]. 2018. No. 3. Pp. 4–16. (In Russian)
5. Lomakina N.V. Reform Transformations and Their Results in the Mineral Sector of the Far East. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2018. No. 1. Pp. 59–82. DOI: 10.14530/se.2018.1.059-082 (In Russian)
6. Mekush G.E. *Ecological and Economical Assessment of Stability of Regional Development (on the Example of the Kemerovo Region)*. Moscow, 2007. 57 p. (In Russian)
7. *Mineral Resource Sector of the Asian Part of Russia: How to Ensure the Socio-Economic Impact*. Ed. by V.V. Kuleshov. Novosibirsk, 2015. 352 p. (In Russian)
8. Mikheeva N. N. Evaluating the Russian Far East's Resource Sector Based on «Input – Output» Tables. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2006. No. 1. Pp. 72–86. (In Russian)
9. *Resources Regions in a «New Reality»*. Ed. by V.V. Kuleshov. Novosibirsk, 2017. 308 p. (In Russian)
10. Ryumina E.V., Anikina A.M. Analysis of Influence of a Factor of Natural Resources on the Level of Economic Development of Regions of Russia. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting]. 2007. No. 5. Pp. 106–125. (In Russian)
11. *The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050*. Ed. by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Vladivostok, 2011. 912 p. (In Russian)
12. Uzyakov M.N. Usage Efficiency of Primary Resources as an Indicator of Technological Development: A Retrospective Analysis and Forecast. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting]. 2011. No. 2. Pp. 3–18. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Ломакина Н.В. Государственное стимулирование инвестиций в минерально-сырьевые проекты: дальневосточный вариант // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 14–23. DOI: [10.14530/reg.2018.4.14](https://doi.org/10.14530/reg.2018.4.14)

For citing:

Lomakina N.V. Government Promotion of Investment in Mineral and Raw Materials Projects: Far Eastern Case. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 4. Pp. 14–23. DOI: [10.14530/reg.2018.4.14](https://doi.org/10.14530/reg.2018.4.14) (In Russian)